

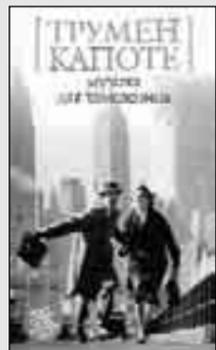
СМ КНИЖНЫЙ РЯД

РАСПУТИН



Это имя уже второе столетие вызывает интерес историков, политиков, философов и даже музыкантов. Что привлекало в «сибирском страннике» Розанова, Бердяева, Ахматову, Гумилева, Клюева, Пришвина и многих других? Почему императрица считала Распутину своим другом? Как объяснить дружбу русского мужа с представителями еврейских финансовых кругов? Откуда такая ненависть к «старцу» со стороны многих представителей правящей элиты начала века? Обо всем этом можно прочесть в замечательном исследовании **Алексея Варламова «Григорий Распутин-новый»**, выпущенном в издательстве «Молодая гвардия».

МУЗЫКА ДЛЯ ХАМЕЛЕОНОВ



Так называется сборник рассказов культового американского писателя **Трумена Капоте** (издательство «Азбука»). На страницах коротких произведений читатель встретится с загадочным убийцей, примерным семьянином и даже самим Капоте, который курит травку с домработницей и сплетничает с Мэрилин Монро... Прочтя эту небольшую книгу, еще раз убеждаешься, что Капоте является одним из наиболее утонченных, остроумных и наблюдательных писателей ушедшего века.

ПОЙМАТЬ И ОКОЛЬЦЕВАТЬ



Своеобразную инструкцию для тех барышень, которые спят и видят себя в объятиях олигарха или богатого, знаменитого человека, выпустило издательство «Яуза-пресс». В книге **«Самые завидные женихи России»** несколько десятков имен, которые поделены на главы «Кино и театр», «Шоу», «Бизнес», «Спорт» и т.д. Психологи говорят, что, знакомясь с интересным человеком, нужно за три минуты найти общие темы для разговора. Как считают выпустившие книгу издатели, она поможет решить эту задачу. Несмотря на эпатажность и пошловатость заявленной задачи, автор сомнительного бестселлера **Полина Молоткова** написала занятную и веселую энциклопедию нашей жизни. Во всяком случае, эта книга вызовет интерес не только у потенциальных невест, но и у тех, кому интересны нравы тусовки, но кому тратить время на погружение в мир глянца охоты нет.

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ



Эту книгу в пору снабдить такой неуемной для литературы надписью. **«20 сигарет»** (издательство «ЭКСМО») - хронометраж того отрезка жизни, который дается герою, чтобы определиться со своими приоритетами. За день он выкуривает пачку сигарет. Ну а можно ли текст **Дмитрия Соколова-Митрича** назвать литературой, решать читателям.

Николай МОДЕСТОВ

Антреприза заняла сегодня такое заметное место в театральной жизни, в том числе столичной, привлекает столько зрителей, что случается, когда в ней проявляются человеческие черты, заслуживает рассмотрения. Даже если прочее - на уровне ширпотреба.

«Ханума» не так давно рожденного Театрального дома Millennium (что бы это сочетание ни означало) создана вроде по проверенным антрепризным рецептам. Та самая знаменитая комедия Акакия Цагарели, из которой, как когда-то Товстоногов, можно сделать зажигательное и изящное представление, но которую можно снабдить изрядной долей пошлости. Декорации типично минимальные, на заднике и кулисах панорама Тифлиса - каким он рисуется воображению театрального обывателя, который никогда не бывал в столице бывшей братской республики, а ныне едва ли не самого враждебного из соседей.

В центре подмостков - раскладные ширмы, которые еще и поворачивают, каждый раз образуя новый павильон. Качество росписи таково, что во избежание зрительских ошибок сверху спускаются надписи: «В доме князя», «В

саду» и т.д. Бесстыльность при том удивительная: фигурки фонтана нарисованы, но вода течет настоящая; фортепьяно намалевано на стене, но клавиатура из нее выпирает ящиком и т.п. То же и с обстановкой: мебель разномастна, по большей части на колесиках - чтобы быстрее убирать со сцены; впрочем, развезают на ней и на подмостках. В костюмах главное - не достоверность, не историческая или этнографическая точность, но броскость и шик (в нос бросится! - говаривал в таких случаях русский классик), обилие шелка и кружев, перстней и серег, блесков на рем-

В последнем блеклы и фигуры масовки, нужной в основном чтобы продемонстрировать зажигательность грузинских плясок. Но сегодня, после лавины мюзиклов, даже кордебалет должен обладать хотя бы элементарными актерскими навыками - а те отсутствуют полностью. Это особенно заметно на фоне работ, которые только недочета соответствующего обрамления - как огранки у бриллианта - не дает называть выдающимися.

В первую очередь это Пантишвили - Михаил Державин. Его герой - смесь выживающего из последнего

сти, приказчик Аноп (Анатолий Лобочкин). С его появлением тоже возникает атмосфера правды, аляповатость обстановки и костюмов, грима и реквизита перестает резать глаз. Тонкие черты лица актера вдруг обретают кавказскую скульптурность, в певучем голосе прорываются гортанные нотки, в гордом постве фигуре и пластике проступает грация уроженца гор. Обязательным женоненавистником способна увлечься не только хитроумная Ханума, но вся женская часть зрительного зала. А Лобочкин не только дарит мужскую надежность, но проследивает нарастающую тоску одиночества. Похоже, его герой когда-то потерпел в личной жизни крушение, от которого до сих пор остались саднящие раны.

Вот и попробуй определить свое отношение к антрепризе вообще, к Millennium (которому взамен дома Театрального вернее именоваться постоянным) и конкретный «Ханума» в частности, видя невероятную (протираешь глаза) смесь изошренности одних актерских работ с открытым, даже вызывающим, наглым непрофессионализмом других, особенно молодежи.

На афише спектакля указано, что он создан при поддержке правительства Москвы. Хорошо бы понять, какую именно составляющую поддерживает правительство - виртуозность мастеров, из-за которого терпится убожество зрелища в целом, или ту примитивность, что по сердцу недоразвитой части публики?

Геннадий ДЕМИН

30 сентября в Концертном зале им. П. Чайковского состоялась московская премьера «оперы для концертной сцены» Родиона Щедрина «Очарованный странник». Для этого в нашем городе высадился музыкальный десант из солистов, хора и музыкантов симфонического оркестра Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева. Столь масштабной акцией Московская филармония открывает фестиваль, посвященный 75-летию выдающегося русского композитора Родиона Щедрина.

в Америке переводчица с русского. Но Маазель прочел и забрал («это должно быть с запахом старины»), и разыскал двух специалистов по Лескову в Нью-Йоркском университете, которые сделали новый перевод.

Думаю, Лесков - это тот писатель, до которого еще доберутся. То, что происходит вокруг, это же просто Лесков! 23 сентября еду из аэропорта и у «Сокола» стою в пробке и вижу: 12 человек лопатами копают тоннель. Теми же самыми ло-

ОЧАРОВАННЫЙ МЕЧТОЙ

На открытие из Германии прибыл и сам автор. - Инициатива фестиваля исходила от Московской филармонии. Я искренне ей благодарен. Это большая честь для меня, - сказал Родион Константинович. - Рад, что фестиваль пройдет в городе, где я родился.

Опера по повести Николая Лескова создана по заказу Нью-Йоркского симфонического оркестра по инициативе знаменитого дирижера Лорина Маазеля. Но этот заказ состоялся прежде всего потому, что Лесков один из самых любимых писателей Щедрина. Композитор сам написал либретто оперы и вот что рассказал накануне ее московской премьеры:

- Каждое лесковское слово для моего глаза и уха - золото. Он менее известен за пределами России, чем Толстой, Достоевский и Тургенев из-за трудностей перевода. К тому же более, возможно, русский по языку, сюжетам, характерам, бесысходному драматизму и парадоксальности ситуации, трагическим развязкам своих историй. Когда я дал Лорину Маазелю английский перевод «Очарованного странника», то после увидел кислое-кислое лицо дирижера. Тогда я достал ему немецкий перевод цюрихского издания, после чтения которого он сказал: «Замечательно!» Вот что значит перевод! Я скажу больше. Когда это сочинение исполнялось в Нью-Йорке, перевод для субтитров (пелось по-русски с субтитрами) делала лучшая

патами, которыми когда-то уголь грузили в моем детстве! А если послушать, что они говорят в это время... Просто цитируют Лескова... Если мы хотим понять, почему наша страна такая странная, не хочет воспринять и сама себе препятствует, читайте Лескова. И вы все поймете.

Повесть «Очарованный странник» давно манила меня мощью и выпуклостью характеров, драматизмом сюжета, возможностью обращения к незатронутым еще в классической музыке пластам древней русской музыкальной культуры. И я счастлив, что сумел реализовать свою мечту.

Остальные концерты фестиваля пройдут в декабре. Мы услышим русскую хоровую оперу «Боярыня Морозова» в Большом зале консерватории. Накануне дня своего рождения Родион Константинович встретится с поклонниками в Малом зале консерватории, где сам сядет за инструмент, а поведет встречу другой известный композитор - Александр Чайковский. На юбилейных концертах 16 и 18 декабря прозвучит целый пласт новой малоизвестной или вовсе не звучавшей у нас музыки Щедрина. Их представят лучшие симфонические коллективы России - Российский национальный оркестр под руководством Михаила



Плетнева, с которым будет солировать виолончелист с мировым именем Давид Герингас (Германия), и БСО им. П. Чайковского под руководством Владимира Федосеева, и солисты Юрий Башмет и Денис Мацуев.

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Экспозиции картин Анатолия Зверева сейчас не редкость. За последние лет десять, пожалуй, работы никакого другого художника не демонстрировались в Москве так часто. И дело тут не в моде на Зверева. Он вообще вне моды, поскольку это тот редчайший художник, который на все времена. В чем я и убедилась, побывав на выставке мастера, открывшейся недавно в галерее «Дом Нащокина».

Всего около ста живописных и графических работ в жанре портрета демонстрирует экспозиция. Слово «все» не оговорка, поскольку подсчитать созданные им портреты невозможно. Ему хватало порой нескольких минут, чтобы красками, тушью или карандашом запечатлеть образ человеческий. Эта выставка не претендует и на какое-то обобщение его творчества. Представленные работы отобраны из трех крупнейших частных коллекций, чтобы познакомить публику со Зверевым исключительно как с портретистом. А показали прежде всего человека из плоти, нервов, страданий...

Выставку открывают два его автопортрета: на одном он еще молод, ему

ПОРТРЕТ ИЗ РАДУГИ

27 лет. Другой нарисован за два дня до смерти, ему 55: измученное лицо, всклокоченные волосы, испуганные глаза... И хотя на первом взгляд жесток и смел, оба портрета трагичны. Даже у молодого Зверева нет и намека на ожидание радости. Его взгляд безысходен на всех автопортретах. А их на выставке не меньше двадцати. Вот он с кривой папиросой во рту и колючими глазами. Вот он мрачен, даже зол. Лишь однажды в 1983 году решил улыбнуться, изобразив себя в тельняшке, лихо пиратской шляпе, за которой проглядывает солнце, похожее на цветок. Хотя на снимках, представленных на выставке, мы встретимся с совсем другим человеком - балагуром и бузотером, из тех, у кого душа нарастает.

Что правдивее - камера или кисть? «Это был человек-перформанс, - сказала Полина Лобачевская, близкий друг Анатолия Зверева. - Когда он рисовал, от него исходила колоссальная энергетика, на холст или бумагу он разве

что не набрасывался, брызги от краски летели во все стороны. И всегда последнее слово принадлежало модели: «Улыбнись!».

Странно, однако... На портретах герои Зверева улыбаются редко. Зато часто на лбу между бровей замирает страдальческая черточка либо печальное акварельное облачко. Лицо нередко почти не прописано. Но как говорил Зверев, живопись родилась из радуги. Несколько акварельных пятен - и вдруг лицо проявляется. Но он умеет быть и подробным. Актриса Татьяну Самойлову художник уловил разворотом плеч, капризным изгибом губ, посадкой чуть раскосых глаз. Разные портреты, разные характеры... Всех своих героев художник не просто любит. Он их жалеет, сострадает им - и пожилой уставшей Асеевой, с которой его связывало большое чувство, и юной клоунессе, похожей на Мальвину. И только к себе он был безжалостен.

Такое чувство, что автопортреты - это картины другого художника, кото-

рый не любил Зверева и даже боялся его. От абстракционистской работы 1976 года берет отпор. Художник видит себя в каких-то серо-болотных наступательных фигурах, чем-то неуловимо напоминающих рыб. Но даже в этих фигурах прячется взгляд, напуганный не только и не столько присутствием черного человека в своей изломанной судьбе, сколько неизбежностью конца самой жизни. Возможно, этот взгляд и связывает, и роднит нас, сегодняшних, со Зверевым и его героями. Лицо нередкое и вновь всматриваться в его картины, напоминающие сон. Он прекращен и в то же время тревожен. Зверев говорил: «Мы уходим в вечность, в пучину волн, вод и пены. Так пропадет корабль нашей жизни».

На этой выставке очень мало картин, герои которых известны. Организаторы экспозиции объяснили это тем, что многие портреты написаны мастером с людей, которые не являлись, как сейчас скажут, медийными персонажами. Они случайно попались на пути художника. И не пропали. Остались навсегда в искусстве, которое, как известно, вечно.

Наталья КУЗИНА